

КУЛЬТЫ И СВАТИЛИЩА В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПОЛИСОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Со времени раннего эллинизма наблюдается наивысший экономический и культурный расцвет трех северопонтийских полисов – Херсонеса, Ольвии и Тиры. Несмотря на различные пути их исторического развития, особенности государственного устройства, религиозного мировоззрения, принципов организации гражданских общин и контактов с внешним миром, в их судьбах прослеживается и много общего, что безусловно заслуживает отдельного исследования. Прежде всего, важно отметить относительно стабильное функционирование демократической власти во всех названных полисах в эллинистическое время, хотя как в своей основе, так и в последующем существовании она обладала в каждом из них характерными чертами и отличиями в русле проводимой ими внутренней и внешней политики, материальных и духовных запросов граждан, их традиций и отношений с окружающими варварами. Естественно, что дорийский – строго организованный уклад херсонесской гражданской общины – во многом отличался от укладов ольвийской и тирасской общин с их исконно ионийским менталитетом, что находит отражение как в организации экономики, так и религии.

Тем не менее Херсонес, Ольвия и Тира почти синхронно переживали сходные процессы социально-экономических и территориальных изменений в последней трети IV–I в. до н.э., в ходе которых четко выделяется период кратковременного, однако небывалого общего подъема, а затем продолжительного кризиса с разными методами его преодоления. В настоящее время многие исследователи благодаря полученным материалам из раскопок в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму признают, что в последней трети IV в. до н.э. как на хоре Херсонеса, так и в самом городе начался стремительный экономический и культурный расцвет; тогда здесь полностью сложилось крупное территориальное государство¹. Эпиграфические источники позволили установить, что в Херсонесе на рубеже IV–III вв. или в самом начале III в. произошла неудачная попытка антидемократического переворота, которая все-таки не нанесла ему особо заметного ущерба².

В свою очередь, после похода в 331 г. полководца Александра Македонского Зопириона в Скифию и гибели его войска (Just. XII. 2.16; Curt. I. 43) Ольвийский полис быстро трансформируется, занявшись усиленным освоением обширной сельскохозяйственной округи, в результате чего он также достиг своего наивысшего расцвета в последней трети IV – первой трети III в. до н.э.³ Немаловажную роль в экономическом

¹ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310–333 (с лит.); Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дис... канд. ист. наук, Киев, 1991. С. 10–13.

² Соломоник Э.И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3. С. 72–81; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 139 сл.; Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 341 сл.

³ Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.

процветании Ольвии сыграли коренные реформы, предпринятые скорее всего выдающимся деятелем Каллиником, сыном Евксена, в период Зопирионовой осады города и вслед за ней, что способствовало окончательной победе радикальной демократии⁴.

Меньше сведений о Тире, но и она по некоторым данным была демократическим полисом, достигшим расцвета в раннеэллинистическое время⁵.

Однако вскоре в связи с резким изменением обстановки на территории собственно Скифии, прекращением существования царства скифских кочевников и сарматскими вторжениями во всех северопонтийских государствах начинается в общем со второй трети III в. затяжной кризисный период. Херсонесу несколько раньше, чем другим полисам, пришлось принять на себя натиск кочевников различной силы, разрушивших и уничтоживших почти всю аграрную зону, вследствие чего он уже никогда не смог подняться до прежнего уровня⁶. Эти же причины, а также угроза нападения галатов с запада привели к обезлюдению большой хоры Ольвии⁷. Такая же участь постигла и Тиру⁸.

Отсюда ясно, что в целом в истории северопонтийских полисов эллинистического времени можно выделить два главных и почти синхронных этапа: мощности экономического подъема и кризиса. И в каждом из них заметно проявились представления о важной роли религии в политической и общественной жизни, нашедшие отражение в нумизматических и эпиграфических источниках.

В той или иной мере вопросы взаимодействия политики и религии в разное время затрагивались многими учеными⁹, однако никогда специально не рассматривались в намеченном здесь плане, – а именно, показать, хотя бы кратко, значение самых популярных культов и святилищ в сфере политики вышеназванных полисов на этапе их процветания с тем, чтобы лучше понять различие между собственно дорийским и ионийским отношением к божествам в их северопонтийском варианте¹⁰.

Считается общепризнанным фактом, что главной патронессой Херсонеса на протяжении почти всей античной эпохи была Парthenос¹¹. При этом нельзя не отметить, что культовое имя этой богини Παρθένος по своему смысловому и религиозному содержанию не соответствует в полной мере термину «Дева» с его нередко нарицательным, разновозрастным и относительно узким значением. Тем не менее оно широко вошло в научную литературу, почти полностью вытеснив исконно греческое культовое имя, олицетворяющее венную молодость и силу Артемиды – сакральной

С. 26 сл.; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 98 сл.; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 150 сл.

⁴ См. подробнее: Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. // ВДИ. 1982. № 4. С. 26–48; 1983. № 1. С. 21–39; Виноградов. Политическая история... С. 153 сл.

⁵ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 60 сл.

⁶ Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 361 сл.

⁷ Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. Ук. соч. С. 99.

⁸ Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 72 сл.

⁹ Ср., например: Ростовцев М.И. Сирик – историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Апрель; Толстой И.И. Остров Белый и Таврика в Понте Евксинском. Пг., 1918. С. 91 сл.; Тюменев А.И. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и Делос // ВДИ. 1938. № 2. С. 265 сл.; Vinogradov Ju. Griechische Epigraphik und Geschichte der nördlichen Pontosgebietes // VII ACIEGL. 1979. S. 296 ff.; Санрыкин. Гераклея Понтийская... С. 96, 142–143, 162; Виноградов. Политическая история... С. 135 сл.; Руслева А.С. Суспільно-політичні функції елліністичного храму Аполлона в Ольвії // Археологія. 1989. № 41. С. 26–35; она же. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 18 сл.

¹⁰ В следующей статье в том же аспекте нами будут рассмотрены культы главных божеств в период кризиса северопонтийских полисов.

¹¹ См. Мещеряков В.Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979; Пальцева Л.А. Культ богини Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. Горький, 1979; Руслева А.С. Верховное божество Херсонеса Таврического. Севастополь (в печати).

основательницы Херсонеса (Pomp. Mel. Perieg. II. 3). В некоторых работах, даже специально посвященных ее культуре, имя Партенос упоминается лишь в начале как адекватное Деве или же вообще игнорируется, в результате чего создается впечатление, что именно Девой называли свою богиню и тавры, и эллины, основавшие Херсонес¹². Вообще однозначный перевод и замена им настоящего имени или эпитеты божества приводит нередко к ошибочным толкованиям функций и неполному выиснению всех аспектов культа¹³.

Признавая верховенство Партенос в пантеоне Херсонеса, нельзя все же не заметить, что уже на первых монетах четко прослеживается сочетание символики этой богини и Геракла¹⁴. В раннее время она выступает здесь в роли владычицы вод, покровительницы рыбной ловли и спасительницы на море, в том числе и от тавров, что, очевидно, имело большое значение в период становления Херсонесского полиса¹⁵. Известный атрибут палица Геракла – эпонимного героя и покровителя его метрополии Гераклеи Понтийской – символизировал и здесь мощь всеисильного защитника.

Возникшее в определенных социально-политических и эколого-демографических условиях, совершенно отличных от регионов ионийской колонизации на Северном Понте, сложное переплетение символики этих культов (кекрикефал и рыба Артемиды Партенос – палица и бык Геракла) длительное время олицетворяло полисную идеологию. Менялся лишь внешний вид монет, но главная сущность двух божеств, с ней связанных, в своей основе оставалась прежней¹⁶. Они призваны были оставаться на страже херсонесской гражданской общины, однако ведущая роль, за редким исключением, принадлежала Партенос. Об этом, в частности, свидетельствует прямое и наглядное отображение ее образа как Артемиды в разных художественных и мифологических планах в отличие от Геракла. Первоначально он присутствует на монетах как бы в завуалированной форме – в виде своих атрибутов, что создавало особый контраст между ними.

На отдельных сериях монет, хронологически совпадающих с окончательным освоением Гераклейского полуострова и захватом равнинной части Юго-Западного Крыма в канун эллинизма, представлена только Партенос с факелом, мчащаяся на квадриге, на

¹² Ср., например: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 10 сл.; *Пальцева*. Ук. соч. С. 30 сл.; *Мецераков В.Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1980. С. 2 сл.; *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 49 сл.; *Столба В.Ф.* Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 62 сл.

¹³ В связи со всем сказанным здесь будет употребляться только имя Партенос. Под влиянием традиции, начало которой было положено учеными еще в XIX в., находился и автор этой статьи (*Русяева А.С.* Религия // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 546 сл.; *она же.* Религия и культуры... С. 107). Подобная ситуация сложилась и относительно ольвийского культа Аполлона Иетрос (Врача), функции которого иногда объясняются чисто медицинскими целительными свойствами, в то время как он выступал здесь в ипостаси спасителя в широком смысле. См. *Vinogradov*. Op. cit. S. 299 f.; *Vinogradov Ю.Г., Русяева А.С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 30 сл.; *Русяева А.С.* Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 39; *она же.* Религия и культуры... С. 29–41, 53–55.

¹⁴ *Анохин*. Монетное дело Херсонеса... № 1–7; *Столба*. Ук. соч. С. 62 сл. Партенос представлена в кекрикефале на голове, а с оборотной стороны изображены рыба и палица.

¹⁵ Здесь и дальше автор опирается в основном на собственное исследование культа Партенос (*Русяева*. Верховное божество...). О связи Артемиды с водой см. *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd I. München, 1976. S. 492 f.

¹⁶ Переплетение символов Партенос и Геракла (рыба и палица, палица в венке, дельфин и палица, лук и протома быка на палице и рыба) особенно характерны для монет IV в. – за исключением редких экземпляров. См. *Анохин*. Монетное дело Херсонеса... № 1–90. Предложенная В.Ф. Столбой корректура хронологии херсонесских монет с головой Геракла не представляется убедительной (Ук. соч. С. 63, 66–67), хотя в общем их необходимо еще специально исследовать.

реверсе – обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем¹⁷. Относительно причин появления этих монет и их символики высказаны разные предположения¹⁸. Такая парадная серия монет может демонстрировать триумф верховного божества во взаимосвязи с политическими и экономическими успехами херсонеситов. Укрепив свое положение в прибрежной Таврике и обеспечив граждан обширной аграрной зоной, полис в ознаменование таких событий мог учредить общегосударственные празднества в честь Партенос с агонами, где главную роль играли соревнования на колесницах¹⁹.

Если хронология монет верна, то в период наивысшего экономического подъема Херсонесского государства именно образ Партенос в разных вариантах (колено-преклоненная богиня с луком и стрелой; она же снова на колеснице с факелом или в стремительном беге с луком в руке, поражающая копьем лань; ее голова с луком и колчаном позади) превалирует на монетах последней трети IV – первых десятилетий III в. до н.э.²⁰ В.А. Анохин, очевидно, прав в том, что поскольку в начале III в. появляется изображение Партенос, поражающей копьем лань, которое в дальнейшем в разных ракурсах воспроизводится на отдельных сериях монет вплоть до позднеантичной эпохи, то в нем следует видеть копию скульптуры, созданной в раннеэллинистическое время²¹.

Вместе с тем возникает и совершенно особый символ в ее культе – грифон, отражающий мифологическое родство с Аполлоном, их путешествие после рождения на север, возвращение в сопровождении грифона на Делос. Возможно, что таким образом херсонеситы пытались показать свою исконную связь с этим святилищем, где в культе делосской Артемиды особое значение имели якобы идущие от гиперборейцев дары, завернутые в пшеничную солому (Herod. IV. 32–35)²². Не исключено также, что как на Боспоре, так и в других государствах грифон считался всесильным апотропеем всех богатств, в том числе хлебных полей и зерна.

Согласно датировке В.А. Анохина, на протяжении полстолетия (350–300 гг.) херсонеситы своими монетами пропагандировали верховенство Партенос, символика Геракла на них не представлена. Затем на оборотной стороне вновь появилось изображение бодающего быка на палице²³. Богиня в традиционном кекрикефале, и она же в образе неукротимой охотницы, бык и дубина как символы необорной силы Геракла в сакральном единстве вновь выступали защитниками и охранителями полисных земель.

По монетам этого времени нельзя уверенно судить о том, что их символика отражает политическую борьбу между демократами и олигархами, которая устанавливается по эпиграфическим источникам (IOSPE. I². 401, 418)²⁴. В аспекте религиозно-политической жизни Херсонеса весьма важно упоминание Партенос в Присяге его граждан – основополагающем документе в его истории после победы демократов, по-

¹⁷ Анохин. Монетное дело Херсонеса... № 35–56; Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 320–326; Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 96–97.

¹⁸ Ср. Анохин. Монетное дело Херсонеса... С. 22–25; Сапрыкин С.Ю. К типологии двух групп монет Херсонеса // СА. 1980. № 3. С. 43 сл.; он же. Гераклея Понтийская... С. 96 сл.

¹⁹ Нельзя исключать, естественно, и отражение на этих монетах эфипаний Партенос, см. Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 96.

²⁰ Анохин. Монетное дело Херсонеса... № 60–90.

²¹ Там же. С. 26.

²² Selman C.F. The Offerings of the Hyperboreans // CQ. 1928. XXII. P. 155 f. Согласно Аристеев Проконнесскому, гиперборейцы жили рядом с грифами, стерегущими золото (Herod. IV. 13).

²³ Анохин. Монетное дело Херсонеса... № 77–90. В данном случае изображение быка указывает не только на прямую связь с метрополией и Гераклом, одолевшим свирепого критского быка с помощью дубины (Apolld. II. 5.7); но и определяет в самом себе совокупность символических и аллегорических черт, свойственных идеологии граждан Херсонеса и, в частности, его магистратов.

²⁴ Разные взгляды на характер борьбы и хронологию документов ср. Леви Е.И. К вопросу о датировке херсонесской присяги // СА. 1947. IX. С. 89 сл.; Тюменев А.И. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы // ВДИ. 1950. № 2. С. 50; Соломонович. Фрагмент надписи... С. 71–83; Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 139 сл.; Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 341 сл.

видимому, в самом начале III в. до н.э. В целом Присяга отражает не только политическое и социально-экономическое положение полиса, но и его религию, как часть государственной идеологии, стремление во что бы то ни стало сохранить территориальную целостность и сплотить его граждан в сильный коллектив единомышленников. В таком многоаспектном документе Партенос названа после трех божеств (Зевс, Гея, Гелиос), олицетворяющих мощные космические и общественные силы, к которым эллины традиционно обращались в клятвах, но перед многими безымянными олимпийскими божествами, а тем более героями (IOSPE. I². 401). Это безусловно указывает на ее главную роль в местном пантеоне²⁵ и выдвигает ее, кроме всего прочего, на первое место и как защитницу демократии. Скорее всего с ее культом и загородным святилищем связывается один из параграфов Присяги, в котором содержится загадочный термин *σαστήρ*, помогающий раскрыть не только отдельные тайные обряды при посвящении эфэбов в ранг граждан и воинов, но и сложные отношения с Афинами²⁶.

Святилище Партенос на акрополе имело храм, алтари и статуи, здесь же, очевидно, стоял и ее ксоан (Strabo. VII. 4.2). Судя по всему, херсонеситы вопреки афинско-дельфийской политике изъятия кумира Артемиды из Таврики и пропаганде его хранения в святилище близ Афин (Eurip. Iphig. Taur. 1416 sq.; Paus. I. 23, 33) верили все же, что он остался на их земле. Как и в других храмах этой богини, претендующих на обладание таврическим идолом²⁷, в Херсонесе могла быть создана местная легенда – каким образом он остался в их городе.

Примечательно, что периодом экономического подъема датируется и наибольшее количество архитектурных деталей от здешних храмов и алтарей²⁸. Здесь были сооружены не только простильные храмы, но и громадный периптер, который исходя из значения главного культа в полисе, мог принадлежать Партенос²⁹. На рубеже IV–III вв., по-видимому, после принятия Присяги в ее святилище был установлен монументальный мраморный алтарь с посвянительной надписью от сакрального басилевса – эпонима и верховного жреца богини Пасиада, сына Артемидора³⁰. Тесная взаимосвязь культа Партенос с политикой государства накладывала отпечаток на его организацию, которая в полной мере отвечала полувоенному укладу жизни херсонеситов, их менталитету и морали. Должности жрецов и других служителей ее культа исполняли только мужчины (IOSPE. I². 357, 358, 410, 412, 418, 423, 424, 430, 457), что в полной мере соответствовало и характеру этого воинственного божества. Партенос в течение короткого времени в связи с различными происходившими в Херсонесе событиями заметно эволюционировала в аспекте сильной и суровой охотницы, владевшей многими видами оружия и способной помочь даже в военных операциях, как это видно из более позднего декрета в честь Диофанта (IOSPE. I². 352).

Таким образом, в период максимального экономического развития Херсонесского государства с его большими доходами во многом за счет экспорта хлеба и вина³¹ обогатилось прежде всего и святилище Партенос, получая дары и проводя специальные празднества Партеии, на которые, по всей видимости, приглашались представители из других городов, заинтересованных в торговых связях с херсонеситами³².

²⁵ Толстой. Ук. соч. С. 92.

²⁶ Русяева А.С. Термин ΣΑΣΤΗΡ в Присяге граждан Херсонеса Таврического // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 1996. С. 94–95.

²⁷ См. Толстой. Ук. соч. С. 127 сл.

²⁸ Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 197–222.

²⁹ Там же. С. 213, 220.

³⁰ Пичикян И.Р. Алтарь Пасиада в Херсонесе // СА. 1976. № 3; он же. Малая Азия... С. 198–207.

³¹ Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 350 сл.

³² Косвенным доказательством этого является декрет первой половины III в. до н.э. в честь Сирикса, который описал эпифанию Партенос и исследовал отношения Херсонеса с боспорскими царями и другими дружественными городами (IOSPE. I². 344).

Учредив культ Партенос, они с самого начала связали его со своей внешней и внутренней политикой. Как показывают нумизматические и эпиграфические источники, почитание богини и расширение ее функций во взаимосвязи со все возрастающей ролью святилища, в котором ведущую роль играли ее высшие жрецы – эпонимы города, величавшие себя басилевсами, шло под знаком территориального расширения государства, борьбы с таврами за овладение землей и время от времени возникающими политическими распрями с причерноморскими городами. Возвышение дорийских элементов в государственном устройстве и культуре также проводилось под эгидой Партенос, в культе которой доминировали мегарские и спартанские черты. Религиозная политика херсонеситов в связи с культом Партенос была направлена на сохранение полиса как главной ячейки гражданской общины, вне которой они не представляли своего существования. Единство граждан поддерживалось и за счет воспитательных мер, проводимых жрецами ее святилища. Недаром ведь в декрете IOSPE. I². 343 по прошествии многих десятилетий все еще напоминает, что херсонеситы и прежде часто бывали спасены от величайших опасностей благодаря богине³³.

Судя по роли, какую святилище Партенос играло в отдельных сферах жизни херсонеситов, оно несомненно занимало здесь ключевые позиции. Чем больше подчеркивались и пропагандировались сотерические функции богини, тем большей популярностью пользовался ее культ. В мировоззрении херсонесских граждан благодаря эпифаниям, знамениям и мантике она постепенно преобрела подлинные зримые качества спасительницы и защитницы.

При этом весьма показательно, что в период расцвета на херсонесской хоре появились рельефы с изображением Геракла и посвященные граффити этому герою в ипостаси Сотера, что не было характерно для Партенос. Судя по всему, он выступал здесь в роли охранителя отдельных усадеб и крепостей, где могли устраиваться и его святилища частного характера. Во всяком случае пока не обнаружено никаких сведений об общеполисной сакральной зоне Геракла в городе или за его пределами.

В исследованиях его культа отмечались как сотерические, так и хтонические черты, в чем исходя из его двойственного характера героя и бога не следует видеть каких-либо противоречий³⁴. Именно герои в наибольшей степени обладали защитными функциями, не теряя при этом своей хтонической сущности. Активизация культа Геракла на хоре была связана, очевидно, с определенной группировкой землевладельцев дорийского происхождения, в верованиях которых он занимал доминирующее положение. Они же постоянно стремились поднять его на более высокое место в государственной религии. Однако его особое возвышение на общеполисном уровне произошло, видимо, в то время, когда в первой трети III в. сам Херсонес оказался перед угрозой нашествия варваров.

Совершенно иная ситуация на этапе экономического расцвета сложилась в Ольвии. Хотя по многим данным как будто не вызывает сомнений, что ее верховным патроном на протяжении догетского периода выступал Аполлон сначала в ипостаси Иетрос, а затем миротворца Дельфиния³⁵, но в сопоставлении его с Партенос и некоторыми ольвийскими божествами кажется странным, что его образ сравнительно редко появлялся на монетах. Правда, символика на них была столь многообразной и постоянно

³³ Ср. *Виноградов Ю. Г.* Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE. I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124; *он же.* Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 60 (незадолго до 276 г. до н.э.). Надпись датируется автором временем около 280 г. до н.э. и указывает на набеги не только соседних варваров, но и полчищ сарматов.

³⁴ Ср. *Пятъшева Н. В.* О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. 1948. № 2; *Щеглов А. Н.* Подвиги Геракла (По памятникам Херсонеса Таврического). Л., 1964; *Сапрыкин С. Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 38 сл.; *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 12–17; *Столба.* Ук. соч. С. 60 сл. Более подробно вопросы развития культа Геракла будут рассмотрены в другой статье автора.

³⁵ *Русяева.* Религия и культы... С. 18–21, 27–55 (с лит.).

меняющейся, что не идет ни в какое сравнение с херсонесскими монетами. К тому же для монетного дела Ольвии вообще характерна уникальная особенность как раз во взаимосвязи с культом Аполлона Дельфиния. Имеется в виду очень продолжительное функционирование литых дельфиновидных монет, которые одновременно представляли собой своеобразный символ и вотив в культе этого бога во второй половине VI–IV в. до н.э.³⁶

По-видимому, священное животное Аполлона, превращенное творческой фантазией его почитателей – не исключено, при помощи мольпов, в бронзовый слиток, ставший составной частью денежного обращения, как бы заменяло собой и сам образ бога. На протяжении более двух веков «дельфины» обращались параллельно со сменяющимися периодически типами ольвийских монет, в результате чего их было произведено настолько много, что они встречаются теперь практически во всех слоях и комплексах Ольвии. Если на самом деле анэпиграфные «дельфины» изготовлялись не только в святилищах³⁷, но и частным образом³⁸, то в конце концов необходимый контроль властей и регулирование их эмиссий стали практически невозможны.

До сих пор нельзя точно установить, когда прекратилось их изготовление, в какое время они полностью вышли из обращения и как долго они служили вотивами в культе Аполлона³⁹. Какие бы хронологические рамки, определяемые чаще всего чисто теоретически или только на основании кладов, не выдвигались, вряд ли можно игнорировать то, что «дельфины» в виде обола Харона находятся и в хорошо датированных погребальных комплексах не только позднеклассического, но и раннеэллинистического времени⁴⁰. В последнем случае они преобладали в могилах зажиточных граждан, что может указывать на их особую приверженность к этому денежному знаку как традиционному символу Аполлона.

Исходя из различных данных и сопоставлений общего плана можно допустить, что обращение «дельфинов», если они на самом деле были созданы благодаря мольпам⁴¹ еще в третьей четверти VI в., было отменено после окончательной победы демократии в Ольвии⁴². В связи с радикальными переменами в государственном устройстве в раннеэллинистическое время роль аристократических союзов значительно снизилась или же они на какое-то время прекратили свою активную политическую деятельность. Определенный консерватизм ольвийских граждан в области религии, стремление к

³⁶ Она же. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 12; она же. Милет–Дидимы... С. 55, 62–65; она же. Религия и культы... С. 41 сл.; Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 34–40; Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 8–11.

³⁷ О том, что монетовидные «дельфины» изготовлялись в мастерских при святилищах, свидетельствует комплекс одной из ям V в. до н.э. на Западном теменосе, состоявший из многочисленных шлаков бронзы, дельфинчиков бракованных и с литниками. Там же происходило и производство наконечников стрел (раскопки автора).

³⁸ Ср. Карышковский. Монеты Ольвии. С. 37 сл.; Отрешко В.М., Наумов В.И. Клад дельфиновидных монет на поселении Большая Черноморка-2 (Березанский лиман) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 121–122.

³⁹ Ср. Карышковский. Монеты Ольвии. С. 36 сл.; Анохин. Монеты... С. 9–10; Золотарев М.И. Новый клад ольвийских дельфиновидных монет из раскопок на острове Березань // Мир Ольвии. Киев, 1996. С. 121–122; Отрешко, Наумов. Клад... С. 116.

⁴⁰ Козуб Ю.И. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н.э. Київ, 1974. С. 106; Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 130–131.

⁴¹ Из надписей V в. до н.э. известно, что айсиметы мольпов исполняли эпонимные должности в Ольвии и являлись высшими жрецами в Дельфинионе. Учитывая их аристократическое происхождение и принадлежность к социальной верхушке, имеются основания считать, что их фиас оказывал определенное влияние не только на религиозную сферу жизни ольвиополитов. См. Карышковский П.О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 82–88; он же. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 42–51; Виноградов. Политическая история... С. 112 сл.; Русяева. Религия и культы... С. 193–195, 209.

⁴² Ю.Г. Виноградов правомерно связывает этот политический процесс с деятельностью Каллиника, сына Евксена, в 30–20-е годы IV в. (Политическая история... С. 175–176).

сохранению полисных традиций, тем более в таком культе, как Аполлон Дельфиний, стали основной причиной того, что дельфиновидные монеты, тем более что их уже было накоплено колоссальное количество, продолжали еще и в IV в. функционировать в Ольвии как и в предыдущие годы параллельно с литыми оболами. В таком случае вполне допустимо, что радикальной демократ Каллиник, сын Евксена, навсегда прекратил здесь выпуск всех литых монет и ввел постоянную чеканку⁴³. Однако и после этого в отдельных семьях они сохранялись как своего рода память об их бывшей не столько денежной, сколько сакральной ценности.

Совместно с ними длительный период сохранялась «Аполлонова линия» в мировоззрении ольвиополитов и пропаганда официального культа, его сотерическая значимость. Именно в дельфине ольвиополиты видели главный символ защиты и мира в своем полисе. Колоссальные работы, проделанные в Ольвии после осады Зопириона по реконструкции Центрального теменоса, где доминировало святилище Аполлона Дельфиния, выступают надежным показателем того, что оно оставалось таковым до гетского разгрома⁴⁴. На месте сырцово-деревянного храма Дельфиния V в. был выстроен каменный периптер, превышавший его своими размерами⁴⁵. Церемониальный монументальный алтарь Дельфиниона также был переделан, облицован мраморными плитами и украшен в начале III в.⁴⁶ Со второй половины IV по II в. до н.э. в святилище устанавливались проксении – декреты в честь граждан из различных городов Средиземноморья и Причерноморья, ведущих успешную торговлю с Ольвией⁴⁷. Этот оригинальный «каменный архив», как и в милетском Дельфинионе, после его открытия намного расширил эпиграфические сведения об экономических и культурно-политических связях полиса с греческим миром.

Считается, что после ухода с религиозно-политической сцены мольвов должность городского эпонима перешла к жрецам Аполлона Дельфиния⁴⁸. При этом все же нельзя не заметить, что в период наивысшего расцвета Ольвии эпонимы в эпиграфических документах не упоминаются. Лишь по надписям времени кризиса можно полагать, что эпонимная должность стала непрерывной прерогативой служителей культа Дельфиниона вплоть до гетского нашествия. В экстраординарных случаях в Ольвии, как и в Херсонесе, на эпонимную должность выдвигалось верховное божество⁴⁹.

В ольвийском Дельфинионе, очевидно, устраивались общественные приемы в честь феоров, заслуженных проксенов и почетных граждан⁵⁰. Следовательно, есть основания считать, что он, будучи не только культовым местом Аполлона, но и культурно-

⁴³ Относительно интерпретации декрета в честь Каллиника и его датировки, к сожалению, нет единой точки зрения. Ср., например: *Виноградов, Карышковский. Каллиник...* // ВДИ. 1983. № 1. С. 21–39 (с лит.); *Карышковский. Монеты Ольвии.* С. 65 сл.; *Виноградов. Политическая история...* С. 153 сл.; *Анохин. Монеты...* С. 28 сл.; *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // *Эллинизм: экономика, политика, культура.* М., 1990. С. 268 сл.

⁴⁴ *Леви Е.И.* Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 71 сл. Только уровень площади теменоса был поднят на 0,60 м путем засыпки и нивелировки чистым лессовым грунтом.

⁴⁵ Храм полностью не исследован и, возможно, его остатки в северной части не сохранились из-за образовавшейся в этом месте балки (или рва). См. *Карасев А.Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса // *Ольвия. Теменос и агора.* М.–Л., 1964. С. 27, 30; *Леви.* Ук. соч. С. 77. В существовании такого периптера были высказаны сомнения (*Крижицкий С.Д., Буйских А.В.* Реконструкция споруд Центрального теменоса в Ольвии // *Археологія.* 1990. № 3. С. 27 сл.).

⁴⁶ *Карасев.* Ук. соч. С. 101; *Леви.* Ук. соч. С. 81.

⁴⁷ *Леви.* Ук. соч. С. 85–86.

⁴⁸ Ср. *Лейтунська Н.О.* Культ Аполлона в Ольвии // *Археологія.* 1964. XVI. С. 25; *Карышковский.* Ольвийские эпонимы. С. 88; *Виноградов.* Политическая история... С. 149; *Русяева.* Религия и культуры... С. 209–210.

⁴⁹ Ср. *Карышковский.* Ольвийские эпонимы... С. 96; *Русяева.* Религия и культуры... С. 210; *Кадеев.* Ук. соч. С. 67–72. Во время военных разорений и кризисов в Милете Аполлон также становился эпонимом города (Milet. I, 3. № 122. II. 85; № 123. 5, 18, 35, 43, 44, 53–56, 59; № 124. 4–7, 37, 41, 43, 45–49; № 125. 1, 3, 8, 11; № 127. 4, 7, 9).

⁵⁰ *Русяева.* Суспільно-політичні функції... С. 26 сл.

политическим центром, имел большое значение в системе внешнеполитических и религиозных связей, пользовался общепризнанным авторитетом.

Несмотря на все эти явные признаки культа Аполлона его образ (голова в лавровом венке) на монетах Ольвии сравнительно с другими божествами появлялся лишь периодически в эллинистическое время⁵¹. Очевидно, традиционно репрезентативные культы корректировались применительно к новой политике радикальных демократов и новой ситуации в связи со значительным территориальным расширением государства. Каллинику, сыну Евксена, как наиболее деятельному инициатору социально-экономических реформ, в результате которых были достигнуты большие успехи во всех сферах жизни, демос установил статую с посвящением не Аполлону, а Зевсу Сотеру⁵². После этого почитание Зевса возрастает⁵³. Рядом с Дельфинионом на рубеже IV–III вв. был сооружен небольшой каменный храм⁵⁴. Скорее всего, что именно ему, как и в Афинах⁵⁵, была посвящена большая стоя – один из лучших архитектурных памятников эллинистической Ольвии⁵⁶. Не исключено в таком случае, что ольвийские демократы пытались ослабить влияние знатных родов, в частности потомков мольпов и нумениастов, возвеличивающих культ своего патрона Аполлона Дельфиния.

В значительной степени это сказалось на развитии культа Деметры. Если исходить из символики полисных монет, то в период наибольшего территориального увеличения ольвийской хоры – по меньшей мере от Днепра до Тилигула – а вместе с ним и экономического процветания, защитниками радикальной демократии и обширных государственных земель стали Деметра и речное божество (будь то Борисфен или Гипанис). Причем была сознательно выделена наиболее характерная функция элевсинской Деметры как покровительницы зернового хозяйства. Более того, в это время Ольвия впервые помимо бронзовых и серебряных монет начала чеканить золотые статеры тоже с головой Деметры, что имело большое политическое значение как своеобразная декларация ее независимости и благосостояния⁵⁷.

Монеты с Деметрой имели разнообразную символику: помимо ее собственной (пшеничный колос, венки из колосьев) все-таки чаще всего помещалась Аполлонова (дельфин отдельно или как элемент полисной эмблемы, звезда, возможно, и горит)⁵⁸. Однако среди различных серий монет с изображением Деметры, преобладающих численно и качественно, довольно редко встречаются экземпляры с головой Аполлона⁵⁹.

Деметра была хорошо известна в Нижнем Побужье, однако до IV в. никогда не поднималась так высоко в государственной религии. Только в период наибольшей интенсификации зернового хозяйства земледельческий демос Ольвии явно выдвинул ее на одно из первых мест в пантеоне. Заметное проявление элевсинского характера культа Деметры в IV–III вв. до н.э. объясняется не только торговлей хлебом, но и постоянными культурно-политическими контактами с Афинами и воздействием на развитие этого культа афинян⁶⁰.

Тем не менее до сих пор точно не установлено, где располагалось святилище этой богини. Помимо упоминаемого Геродотом (IV. 53) святилища Деметры на Гипполаевом

⁵¹ Ср. Анохин. Монеты... С. 106–112.

⁵² Подробно см. Виноградов, Карышковский. Каллиник... // ВДИ. 1982. № 4. С. 32 сл.; 1983. № 1. С. 21 сл.

⁵³ Русяева. Религия и культы... С. 58 сл.

⁵⁴ Карасев. Ук. соч. С. 113–129; Леви. Ук. соч. С. 78–80; Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историческое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 108 сл.

⁵⁵ Schwabl H. Zeus // RE. Supplbd XV. 1978. Sp. 1066.

⁵⁶ Леви. Ук. соч. С. 90–92; Русяева. Религия и культы... С. 63–64.

⁵⁷ Карышковский. Монеты Ольвии... С. 66.

⁵⁸ Анохин. Монеты... № 80–126 сл.

⁵⁹ Там же. № 113–114, 216, 232–236.

⁶⁰ Русяева. Земледельческие культы... С. 51 сл.; она же. Религия и культы... С. 85–86.

мысу⁶¹ в самой Ольвии при таком значительном расширении ее официального культа также могло быть святилище с храмом и алтарем⁶². Ни на одном из теменосов не обнаружено пока никаких материалов, по которым можно было бы уверенно локализовать его местонахождение. Специфика культа Деметры, как видно из многих данных о расположении ее сакральных зон в разных регионах Эллады, требовала их устройства вне города или на возвышенных местах в периферийных частях возле реки или моря (Paus. I. 44.3; II.34.6; 36.7; VIII. 15.3.4; 25.3.4; 36.6; IX.19.6 и др.)⁶³.

Недавно на юго-восточной оконечности ольвийского городища в одной из самых высоких точек открыты остатки большого храма дорического ордера второй половины IV – первой половины III в. до н.э.⁶⁴ Вследствие интенсивного строительства в римское время здесь пока не найдены посвященные надписи этого времени, по которым обычно проводится атрибуция его к какому-либо божеству. В предварительном плане, учитывая его расположение и датировку, совпадающую с особенно большой популярностью Деметры, этот храм предположительно можно связать с ее культом⁶⁵.

Помимо Деметры большой популярностью на ольвийских монетах времени экономического подъема пользовался образ речного божества, которого чаще всего называют Борисфеном. От его имени произошло и название бронзовых монет «борисфены». По общепринятому мнению, их количество намного превышает монеты с изображениями других божеств⁶⁶. Кроме того, они представляют и популярнейший тип монет ольвийской хоры от поселения Жевахова гора в Одессе на западе до поселения Белозерка в Нижнем Поднепровье на востоке⁶⁷. К концу IV в. Скифия теряет свое былое могущество, что способствовало беспрепятственному увеличению территории Ольвийского полиса во всех направлениях. Очевидно, с этого времени в его распоряжении находились богатейшие водные бассейны, в том числе и Борисфен, игравшие огромную роль в экономике. В такой ситуации широкая популярность речного божества в ипостаси защитника вполне закономерна⁶⁸.

Таким образом, если в период расцвета в Херсонесе ведущим божеством в пантеоне являлась все та же Партенос, вслед за которой шел только Геракл, то в Ольвии наблюдается возвышение божеств, не связанных с ее основанием. Оставаясь покровителем гражданской общины и главным городским богом, Аполлон Дельфиний выступал, с одной стороны, в сопровождении Зевса Сотера, а с другой – Деметры и речного божества, в функции которых входила защита всех государственных земель и вод.

В этом аспекте Ольвия стояла ближе к соседней Тире. Хотя источников о культах в этом городе намного меньше, все же по монетным изображениям видно, что Деметра с

⁶¹ Она же. Святилище Деметры на мысу Гипполая // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. конф. Херсон. 1990; она же. Религия и культуры... С. 113–115.

⁶² Это тем более возможно, так как Деметрион отмечен в посвящении килика V в. элевсинской триаде. См. Русяева. Земледельческие культы... С. 47–48.

⁶³ Nilsson. Op. cit. S. 464 ff.

⁶⁴ Крапивина В.В., Буйских А.В. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 124. Размеры храма 8,5 × 23 м.

⁶⁵ По данным раскопок ольвийских теменосов на них располагались и в эллинистическое время святилища Аполлона Дельфиния и Зевса, возможно, Афины (Центральный), Аполлона Иетрос. Матери богов, Гермеса, Афродиты, Диоскуров, Диониса (?) (Западный). Из них далеко не все имели храмы. См. Леви. Ук. соч. С. 71 сл.; Русяева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С. 127 сл.

⁶⁶ Нумизматы совершенно по-разному датируют «борисфены». Ср., например: Карышковский. Монеты Ольвии. С. 80 сл.; Анохин. Монеты... С. 39 сл.; Рубан В.В., Урсалов В.Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // ВДИ. 1986. № 4. С. 49. Наибольшее признание получила датировка П.О. Карышковского (330–250 гг. до н.э.).

⁶⁷ Рубан, Урсалов. Ук. соч. С. 42 сл.; Карышковский. Монеты Ольвии. С. 84–85.

⁶⁸ Русяева. Религия и культуры... С. 137–138.

колосьями и в меньшей мере речное божество (Тирас) символизировали ее экономический подъем в раннеэллинистическое время⁶⁹.

Итак, очевидно, что выяснение вопросов о взаимосвязи политики и религии зависит прежде всего от характера имеющихся источников, которых чаще всего еще недостаточно для полного их изучения, а также их хронологии. Рассмотренные материалы о главных культах в Херсонесе, Ольвии и Тире на протяжении лишь короткого, но наиболее значительного периода в их истории являются вместе с тем и отражением процессов, типичных для демократических полисов с их разным подходом к государственной организации и социально-экономическому устройству, своеобразием религиозного мировидения ионийцев и дорийцев в Северном Причерноморье. Кратковременное сближение в сфере политики и религии наблюдается между Херсонесом и Ольвией особенно в период кризиса, когда происходило введение новых культов и установление более тесных отношений с панэллинскими святилищами на Делосе и в Дельфах, началась резкая поляризация идеологических сил и элитаризация общества, использование храмовых накоплений на нужды государства, о чем будет идти речь во второй части этой работы.

А.С. Русяева

CULTS AND SANCTUARIES IN THE POLICY OF DEMOCRATIC POLEIS
OF THE NORTH PONTIC AREA IN EARLY HELLENISTIC PERIOD

A.S. Rusyayeva

The article considers the principal cults in three North Pontic democratic poleis in the period of their brief economic flourishing in early Hellenistic time. Numismatic and epigraphic sources show that Parthenos and Heracles (in Chersonesus), Apollo Delphinus, Zeus Soter, Demeter and Borysthenes (in Olbia), Demeter and Tyras (in Tyra) were regarded as defenders and saviours not of cities only, but also of the vast agricultural territories belonging to the poleis and played an important role in their home and foreign politics.

Besides, the images and characters of the deities in question have some specific features demonstrating the peculiarities in religious outlooks of North Pontic Hellenes of Ionian and Doric descent.

⁶⁹ *Сон Н.А.* Греческие культы Тире первых веков нашей эры // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 128; *Карышковский, Клейман.* Ук. соч. С. 61–62; *Анохин.* Монеты... № 422–447; *Самойлова Т.Л.* Культы греческих богов в Нижнем Поднестровье в доримский период // Мир Ольвии. Киев, 1996. С. 183.